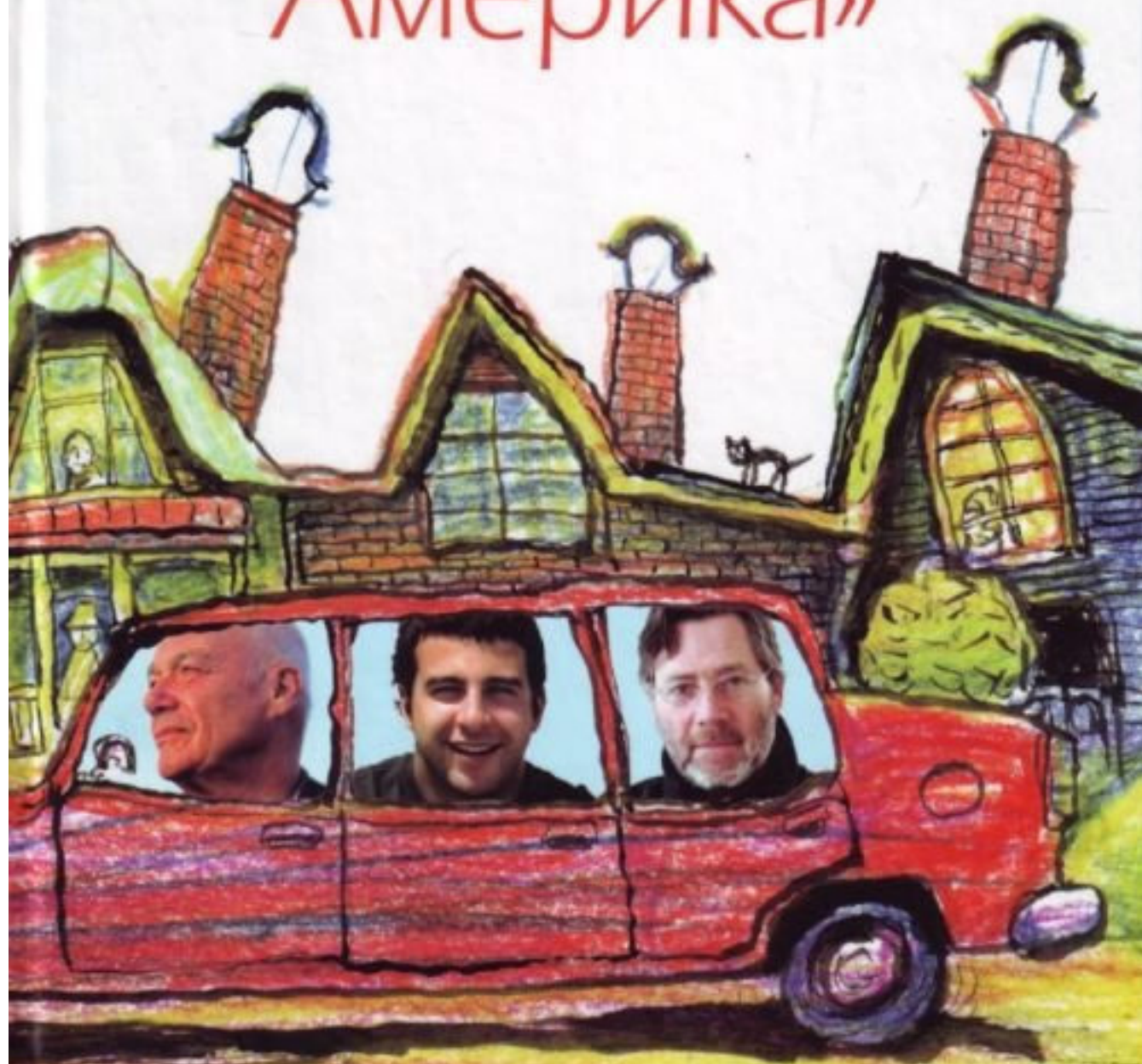

Владимир Познер
Брайан Кан Иван Ургант

«Одноэтажная Америка»

Зебра Е

Владимир Познер
«Одноэтажная Америка»

«Издательство АСТ»

2008

Познер В. В.

«Одноэтажная Америка» / В. В. Познер — «Издательство АСТ»,
2008

ISBN 978-5-94663-604-9

Путешествие двух звезд российского телевидения и одного американского писателя по маршруту Ильи Ильфа и Евгения Петрова. «Одноэтажная Америка» – это осуществившаяся мечта Владимира Познера, мечта, к которой он шел 25 лет – с тех самых пор, когда прочитал одноименную книгу Ильфа и Петрова и загорелся желанием повторить их путешествие по Америке. 16-серийный документальный сериал «Одноэтажная Америка» с Владимиром Познером и Иваном Ургантом с огромным успехом прошел по Первому каналу. В книге, написанной как бы «по следам» фильма – то, что осталось за кадром. Города, события, история, лица. Такой Америки вы не знали!

ISBN 978-5-94663-604-9

© Познер В. В., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

«Одноэтажная Америка» Владимира Познера	5
Несколько слов по поводу	5
Необходимое признание и предупреждение	7
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	20
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Познер, Брайан Кан, Иван Ургант «Одноэтажная Америка»

«Одноэтажная Америка» Владимира Познера

Несколько слов по поводу

Так случилось, что к русскому языку я пришел позднее вас, читатель. Не стану объяснять, почему: история эта длинная, да к тому же относящаяся к давно прошедшим годам.

В связи с этим поздним приходом я стал читать русскую литературу в относительно зрелом возрасте, то есть я не «проходил» ее, как школьник, который часто рассматривает это не как удовольствие, а как скучную обязаловку, а именно читал.

Учась на первом курсе биолого-почвенного факультета МГУ, я подружился с Семеном Милейковским, человеком весьма начитанным, несмотря на свои семнадцать лет, который познакомил меня с Ильфом и Петровым, точнее, с «Двенадцатью стульями». Познакомил довольно своеобразно, читая мне страницы за страницей чуть ли не шепотом, во время летней практики, когда не было никого рядом. Это был год 1953-й, и, хотя Ильф и Петров не числились среди писателей запрещенных, они и не были особенно разрешенными: после 1937 года произведения Ильфа и Петрова не переиздавались, видимо, ни «Двенадцать стульев», ни «Золотой теленок» не вписывались в идеологические каноны страны победивших рабочих и крестьян.

Тем более это относилось к «Одноэтажной Америке», о которой я хотел бы сказать особо.

В 1935 году Илья Ильф и Евгений Петров были откомандированы газетой «Правда» в Соединенные Штаты Америки для написания книги об этой стране. Это уже само по себе удивительно (тем более что у Ильфа были родственники, которые в свое время эмигрировали из России в Америку). В «Правде», главном печатном органе ВКП(б), ничего не появлялось случайно. По каким соображениям было принято решение послать двух писателей-сатириков в Америку, чтобы потом печатать их впечатления на страницах этой идеологической «библии» партии? Мы вряд ли узнаем ответ на этот вопрос. Потому ли, что всего лишь за три года до этого на пост президента США был избран Франклин Делано Рузвельт, и были установлены дипломатические отношения между СССР и США? Потому ли, что рассчитывали именно на сатирический талант писателей, которые представят советскому читателю американский капитализм «соответствующим» образом? Так или иначе, они поехали.

Прибыв в Нью-Йорк, Ильф и Петров провели там месяц, налаживая контакты и готовясь к поездке. Им, не знавшим английского языка и не умевшим водить машину, удалось найти американскую супружескую пару, которая согласилась быть их водителями-переводчиками, купили новенький «Форд» и отправились. Путешествие длилось ровно шестьдесят дней. Они проехали из Нью-Йорка, на Восточном побережье, до Калифорнии, на Западном, и обратно, побывав в двадцати пяти штатах и сотнях городов и населенных пунктах, они встретились с бесчисленным количеством американцев и, вернувшись домой, написали книгу. Книгу совершенно удивительную по нескольким причинам.

В ней сорок семь глав, причем известно, что семь глав они написали вместе, а двадцать – раздельно. Однако только специалист-текстолог способен определить, какие главы писал Ильф, а какие Петров. Это во-первых.

Во-вторых, ни Ильф, ни Петров не бывали раньше в Америке и не знали английского, что уже было отмечено, но это нисколько не помешало им необыкновенно тонко и точно почувствовать дух страны и народа. Я, человек, выросший в Америке и прочитавший множество книг о ней, полагаю, что «Одноэтажная Америка» не только лучшая книга, написанная иностранцами об Америке (за исключением исследования де Токвиля «О демократии в Америке» середины XIX века), но вообще одно из лучших «открытий Америки», с которым может сравниться разве что «В поисках Америки с Чарли» Джона Стейнбека.

Каким образом этим двум одесситам удалось всего лишь за три месяца разобраться в сложнейшей стране – для меня загадка. Сегодня, перечитывая «Одноэтажную...», понимаешь, что, по существу, они очень мало в чем ошиблись, если не считать, конечно, некоторых их оценок, касающихся, например, джаза и американского кино.

И еще: это был 1935 год, тяжелейшее время Великой депрессии, охватившей Америку, лишившей работы миллионы людей, но при этом ни Ильф, ни Петров не сомневались в способности американского народа выстоять, преодолеть кризис. Пожалуй, они ошиблись только в одном: сравнивая Советский Союз и США, они неизменно подчеркивали преимущества первой страны социализма перед главной страной капитализма: только что в СССР триумфально завершилась первая пятилетка, страна явно была на подъеме, об ужасах насильственной коллективизации знали немногие, массовые репрессии 1937–1938 годов еще были впереди. Как мне кажется, Ильф и Петров искренне верили в преимущества советского социализма. Восхищаясь достижениями американцев и Америки, они искренне возмущались социальной несправедливостью американского общества, и, хваля СССР, они не «отрабатывали номер», а с гордостью подчеркивали преимущества той страны, гражданами которой они имели счастье быть. Да, они заблуждались – что ж, заблуждались не только они.

* * *

В 1961 году, когда вышло пятитомное собрание сочинений Ильфа и Петрова, я впервые прочел «Одноэтажную Америку».

Прошли годы. Я сменил множество работ – был литературным секретарем Самуила Яковлевича Маршака, ответственным секретарем журналов «Совет Лайф», «Спутника», комментатором Главной редакции радиовещания на США и Англию Гостелерадио. Именно там, в конце семидесятых, я стал регулярно выступать на разных каналах американского телевидения (делалось это по спутнику связи, поскольку я был невыездным). Приблизительно в это время я перечитал «Одноэтажную...» и тогда подумал: как было бы здорово повторить путешествие Ильфа и Петрова, но на сей раз для телевидения.

Эта мечта казалась совершенно нереальной. Я знал, что меня никогда не выпустят из страны – по крайней мере, так заявил мне в лицо какой-то генеральский чин с бычьим затылком. Как выяснилось, генерал заблуждался: не стало больше невыездных, пал «железный занавес», а с ним и главное препятствие на пути осуществления задуманного. Но должно было пройти еще много лет, судьбе предстояло выписать затейливые кренделя, должны были совпасть самые разные обстоятельства, звезды и планеты выстроиться определенным образом, чтобы все сошлось.

Потребовалось двадцать пять лет, но мечта осуществилась: мы – наша телевизионная группа – повторили путешествие Ильфа и Петрова, сняли документальный фильм «Одноэтажная Америка». Несмотря ни на что, все сбылось.

Как писал когда-то мой любимый Николай Васильевич Гоголь: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, – редко, но бывают».

Прав был Гоголь. Прав.

Необходимое признание и предупреждение

Признание заключается в том, что Брайан Кан и Владимир Познер – не Илья Ильф и Евгений Петров. Сходство определенное есть, конечно, но лишь поверхностное: и они, и мы совершили путешествие по Америке, проехав шестнадцать тысяч километров с Востока на Запад и с Запада на Восток. И они, и мы написали по этому поводу книгу с одним и тем же названием – «Одноэтажная Америка». На этом сходство кончается.

Они – первичны, мы – вторичны. Они вдохновили нас, а не наоборот. Они – замечательные писатели, можно сказать, классики, мы же, если и писатели, то уж никак не классики. Наконец, Ильф и Петров писали вместе, чего никак нельзя сказать о Кане с Познером. И последнее: для Ильфа и Петрова книга «Одноэтажная Америка» была главным и единственным итогом их путешествия. Наша книга состоит из наблюдений и размышлений, не вошедших в документальный фильм, она все-таки вторична: это путевые заметки, сделанные, как говорится, вслед.

Для россиян, которые не читали и даже не слышали о книге Ильфа и Петрова (а таких, как выясняется, на удивление много), хочу сказать, что, взяв название Ильфа и Петрова для своей книги, мы хотели лишь этим подчеркнуть свое восхищение ими, а поставив название своей книги в кавычки, мы тем самым даем понять, что оно не нами придумано и является на самом деле цитатой.

Глава 1

О том, как мы приехали в Нью-Йорк и не попали в Куперстаун

Мы в Нью-Йорке. Мы – это наша съемочная группа, состоящая из 12 человек:

– Режиссера Валерия Спирина, человека, напоминающего собой сонливого полярного медведя – во-первых, своими габаритами, как в смысле роста, так и веса, во-вторых, окрасом и в-третьих, повадками: он нетороплив в движениях и в речи, смотрит на вас чуть отстраненным голубым взором (голубоглазые полярные медведи встречаются редко, но встречаются), однако совершенно понятно, что будить его не надо, себе дороже.

– Операторов Влада Черняева и Михаила Козлова. Операторы – народ особый. Они, как правило, всё видели и всё знают. Прежде всего они знают, что самое главное – это картинка, то есть то, что они считают нужным снимать. Все остальное – это так, антураж. Эти господа в течение всей поездки щеголяли в каких-то полушортах, драных майках и сандалиях, которые явно видели лучшие дни. Я не могу сказать, что они смахивали на арабских террористов, но то, что они вызывали определенную настороженность у американской публики, – это факт.

– Звукооператора Ивана Нехорошева, человека с томным взглядом, который в свободное время разговаривал по сотовому телефону с каким-то невероятным количеством московских, а, возможно, и не московских друзей и поклонниц. Видимо, это его так отвлекало от происходящего, что он часто только в последний момент вспоминал, что надо «омикрофонить» того или иного участника съемок, и начинал суетливо носиться между аппаратурой и объектом, часто роняя микрофоны и путаясь в проводах.

– Грипа («спеца» по технике) Владимира Кононыхина, человека поразительного спокойствия, молчаливого, от которого веяло необыкновенно приятной уверенностью: все, что он делал, делалось точно и надежно. Невысокого роста, чуть полноватый, Кононыхин был всеобщим любимцем. Именно он придумал, как крепить камеры на кузов нашего джипа на хитроумных присосках так, что на любой скорости и при любых погодных и иных условиях они стояли столь же твердо и незыблемо, как Гибралтар.

– Исполнительного продюсера Алены Сопиной. О ней надо сказать особо. Ей надлежало организовать абсолютно все: договариваться с мотелями, где нам предстояло ночевать, устанавливать контакты со всеми объектами съемок, получать все разрешения, вести все финансовые расчеты, улаживать вопросы проката машин (а их было три), подбирать всю кинохронику тридцатых годов – всего не перечислишь. И еще работать переводчицей. Словом, на плечи этого юного и необыкновенно хрупкого существа лег груз совершенно непомерный. Когда что-то не получалось, неважно что, все претензии адресовались ей, Хелёне Сопиной (так она представлялась американцам, для которых имя Алёна и ударение на первом слоге ее фамилии оказались совершенно непостижимыми). Она выслушивала все молча, чуть потупив взгляд, и выражение ее лица говорило: «Что ж, это мой крест, вы, конечно, не правы, но спорить с вами нет смысла, уж такова моя участь». Ну просто Жанна д'Арк.

– Креативного продюсера Артема Шейнина. О нем американцы бы сказали, что *he is built like a brick shit house*, выражение, которое не имеет русского эквивалента, что-то вроде «он сложен, как кирпичная сральня». На самом деле, так говорят о человеке, состоящем из одних мышц. Невысокого роста, но весьма плотного телосложения, казалось, что Артем, подобно танку, может без особых усилий пройти сквозь каменную стену. Когда останавливалась наша кавалькада, Артем аккуратно стелил на асфальт пару газет и начинал отжиматься. Иногда он открывал заднюю дверь второго джипа, в котором он ехал со Спириным и Сопиной, упирался руками в расстеленные газеты, ногами взбирался на багажник, после чего снова начинал

отжиматься. Бывший афганец, служивший в десантных войсках, бритоголовый Артем Шейнин наводил военный порядок среди нашего разношерстного контингента и, кроме того, благодаря отличному владению английским языком, по совместительству служил переводчиком и «ловцом душ»: останавливал прохожих и объяснял им, как важно, чтобы они дали нам интервью.

– Водителей мини-автобуса, в котором ехала аппаратура, операторы, грип и звукооператор, Саши Манюхина и Зоряны Олескивой. Оба они эмигрировали в США из Украины. Они знали Америку и американские дорожные порядки хуже местных водителей, но, во-первых, свободно говорили по-русски и, во-вторых, были согласны работать за меньшую оплату, что для нас, считавших каждый доллар, было делом не последним. Саша, который неизменно носил какие-то немыслимые бахилы и совершенно черные носки, получил прозвище «Саша Носков» (автор – Иван Ургант). Что до Зоряны, то... Представьте себе валькирию из опер Вагнера: высокого роста, с гривой золотых волос и... с формами. От ее бюста и общей конфигурации Рубенс остолбенел бы в восторге. Когда она выходила на пляж (а такие случаи были) в бикини, мужская часть населения приходила в состояние полнейшего онемения. Кроме того, ее отличала необыкновенная заинтересованность во всем происходящем, и когда ей это удавалось, она присутствовала при интервью и в самое неподходящее время встревала со своими вопросами. Дитя природы, всегда улыбчивая, радостная, светящаяся.

– Продюсера проекта Надежды Юрьевны Соловьевой. Так сказать, начальник, босс. Она проехала с нами лишь часть пути, поскольку у нее были намечены и другие встречи, но душой она всегда была с нами. Пока все шло хорошо, она молчала, когда же нет, виновный мог услышать массу любопытного о себе, о своем будущем, о том, почему он здесь находится – словом, никому не хотелось быть вызванным ею на ковер. Ее всевидящее око следило за нами вне зависимости от ее присутствия – так, по крайней мере, нам казалось.

– Соведающего Ивана Урганта. Вряд ли есть необходимость знакомить вас с этим популярнейшим телеведущим. Но все-таки хотел бы сказать вот что: мы долго думали над тем, кто будет «Петровым» в нашей паре (я со свойственной мне скромностью решил, что «Ильфом» буду я). Поначалу руководство Первого канала предложило мне кандидатуру одного весьма известного эстрадного юмориста, чью фамилию не стану называть, известного тем, в частности, что он терпеть не может Америку и американцев. Я решительно этому воспротивился: не для того мы уехали в Америку, в конце концов, чтобы ее «мочить». Потом возникла кандидатура Леонида Парфёнова, но он, будучи главным редактором «Русского Ньюсуика», отказался из-за нехватки времени. Затем решили пригласить на эту роль Николая Фоменко, которому предложение страшно понравилось. Но и он, имевший к этому времени другие обязательства, тоже вынужден был отказаться. Вот тут-то кто-то вспомнил об Иване Урганте. Надо сказать, что это не вызвало у меня никакого восторга. Ну остроумен, ну обаятелен. Но настолько меня моложе, настолько из «другой жизни», что мне трудно было представить себе, как мы будем общаться, насколько возможен между нами «тандем». Скрепя сердце, я согласился – и был вознагражден. Иван оказался человеком не только остроумным и обаятельным, но и тонко чувствующим, необыкновенно любознательным, начитанным, легким в общении и – к счастью – совершенно лишенным «звездности».

– И я, Владимир Познер.

Итого двенадцать человек. Позже, уже в Детройте, к нам присоединился соавтор этой книжки, Брайан Кан, стопроцентный американец, который должен был выполнять функцию Мистера Адамса – но о нем я скажу позже, когда доберусь до этого самого Детройта.

Свою машину, совершенно черный «Форд-Эксплорер» по прозвищу «Генриетта» (о присвоении ей этого имени еще будет сказано), мы – Брайан, Иван и я – вели попеременно. Когда я не был за рулем, то чаще всего спал, то же самое делал Брайан, Иван же, растянувшись во весь свой немалый рост (194 см) на заднем сиденье (ах, какие же комфортабельные американские машины!), либо слушал музыку по своему АйПоду, либо смотрел кино на своем компьютере.

Второй «Форд» (прозвище «Алабама» – в соответствии с его номерами) вели то Артем, то Валерий. Замыкал нашу кавалькаду микроавтобус, получивший кличку «Карга» – искаженное на русский лад английское слово cargo (груз).

Вот в таком количестве и качестве наша съемочная группа отправилась, чтобы открыть для себя – и для будущих зрителей – Америку.

* * *

Ильф и Петров приплыли в Нью-Йорк в начале октября. Среди множества впечатлений, полученных ими, отсутствует погода. Мы прилетели в конце июля, и самым первым нашим впечатлением была жара. Нью-Йорк летом – это пекло, в котором сам Вельзевул чувствовал бы себя как дома. Ртутный столбик зашкаливает за 40 градусов, в течение всего дня каменный город впитывает в себя жару, а после захода солнца жару отдает. Дышать нечем, и если бы не исправно работающие кондиционеры, а ими оборудованы практически все здания города, трудно представить себе, как бы люди здесь выжили. Хотя...

Кондиционеры появились относительно недавно, а люди и город – довольно давно. Что до жары, то она была всегда: свирепая, изнуряющая и влажная. Помню, как в моем детстве в июле у меня на глазах поджарили яичницу прямо на тротуаре.

Из сказанного не следует делать вывод, будто в Нью-Йорке не бывает холодно. Бывает. Даже очень. Как холодно? А вот как:

Много лет тому назад на Фултоновском рыбном рынке торговала рыбой некая мисс Бёрди. Ее лоток стоял прямо на улице, и около него круглый год горел небольшой костер, в который мисс Бёрди регулярно подбрасывала дощечки от разбитых деревянных ящиков. На ней всегда было надето несколько свитеров, толстые носки и ботинки на толстой же резиновой подошве. Подходя к ней, надо было спросить:

– Скажите, мисс Бёрди, как холодно бывает на Фултоновском рыбном рынке?

Переминаясь с ноги на ногу и подпрыгивая чтобы согреться, она отвечала:

– Мальчик мой, ты хочешь знать, как холодно бывает на Фултоновском рыбном рынке? Я тебе скажу вот что: поезжай на Северный полюс, найди самый большой айсберг, пророй в нем туннель до самой середины, разденься догола, сунь себе под мышки побольше снега, сядь голой задницей на лед – и тогда не будет и вполтину так холодно, как на Фултоновском рыбном рынке!

Мисс Бёрди уже давно нет, как, впрочем и самого рынка. Его уничтожили городские власти потому, говорят, что там правила мафия. Может быть, по этой, а может быть по иной причине, но там, где когда-то кипела торговля и в воздухе крепко пахло морской снедью, на лотках красовались разнообразные дары моря, осталось лишь несколько жалких строений.

Итак, жара.

Она сопровождала нас в течение всего нашего пребывания в этом городе, в котором я вырос и который нежно люблю. Кстати говоря, Нью-Йорк не допускает безразличия: его либо любят, либо терпеть не могут, середина отсутствует.

Изменился ли Нью-Йорк с тех пор, как побывали в нем Ильф и Петров? Конечно. Исчезли «надземки», которые со страшным грохотом проносились на уровне третьего этажа домов, расположенных на 3-й и 7-й авеню. Исчезли почти все пятиэтажные дома, на фасадах которых лепились пожарные лестницы. Появилось множество хай-райзов, то есть, домов высоких, этажей в сорок, но все-таки недотягивающих до звания небоскребов. Почти на каждом шагу можно встретить лотки на колесах (их привозят утром и увозят вечером, прицепив к небольшим грузовикам), у которых можно подкрепиться утренним кофе с булочкой и купить все, от фруктов и овощей до хот-догов, гамбургеров, фалафела и много еще чего. В овощных лавках вместо итальянцев торгуют корейцы, и от «Маленькой Италии» под натиском разросше-

гося Чайна-тауна остались рожки да ножки. В Центральном парке, где прежде просто гуляли, поджарые жители Нью-Йорка бегают, катаются на роликовых коньках, мчатся на велосипедах; они же бегают трусцой и по улицам, не обращая никакого внимания на автомобильное и иное движение. Да, город изменился, но не изменилось в нем главное: характер.

Ильф и Петров писали: «Сейчас же с нами произошла маленькая беда. Мы думали, что будем медленно прогуливаться, внимательно глядя по сторонам, – так сказать, изучая, наблюдая, впитывая и так далее. Но Нью-Йорк не из тех городов, где люди движутся медленно. Мимо нас люди не шли, а бежали. И мы тоже побежали. С тех пор мы уже не могли остановиться».

Так было, так есть. Если вы встретите человека, который передвигается размеренной походкой, значит, он не родом из Нью-Йорка, а приехал откуда-нибудь из Монтаны или Айдахо, чтобы поглазеть на Эмпайр-стейт билдинг и иные достопримечательности этого города. Коренному жителю некогда глазеть, он спешит – принципиально, концептуально, как хотите. У него есть дело, а дело не терпит отлагательств. Рассказывают такую историю: какой-то приезжий обращается к проносящемуся мимо него жителю Нью-Йорка:

– Вы знаете, где находится Эмпайр-стейт билдинг?

– Конечно знаю! – бросает в ответ тот и мчится дальше.

Каков вопрос, таков ответ. Если спросили бы, как пройти к Эмпайр-стейт билдингу, тот бы объяснил, а спросили, знает ли он, где Эмпайр находится. Знает, конечно.

Уровень энергетики в этом городе не поддается измерению. Дыша этим воздухом, человек становится сильнее и моложе, шагает шире и быстрее, ему сам черт не брат, все как будто наэлектризовано, темп, темп и еще раз темп.

Нельзя не сказать о небоскребах. Когда приближаешься к Нью-Йорку по воде, они возникают вдруг, будто вынырнули, это захватывающее зрелище, глаз нельзя оторвать от знаменитого скайлайна – силуэта, от вида которого у меня всегда бывают мурашки по коже, к нему нельзя привыкнуть, он поражает. Как писали Ильф и Петров, «нью-йоркские небоскребы вызывают чувство гордости за людей науки и труда, построивших эти великолепные здания».

В Нью-Йорке мы забрались на смотровую площадку Эмпайра, побывали ночью на Тайм-сквере, где по-прежнему в это время светло, как днем, где миллионы электрических и неоновых лампочек и трубок уступили место плазменным экранам и прочим чудесам современного хай-тека, исследовали старый Нью-Йорк, ту часть города, которая при голландцах называлась Нью-Амстердам и где улицы бегут вкривь и вкось, а не строго под девяносто градусов друг к другу, полюбовались изумительным по красоте Бруклинским мостом и вспомнили историю о том, как немецкий инженер-иммигрант Джон Роблинг начал строить его в 1869 году, как он погиб при строительстве, как подхватил отцовское дело его сын Вашингтон, который, став инвалидом на строительстве, перепоручил это дело своей жене Эмили Уоррен Роблинг, которая довела-таки дело до конца. Мы попытались представить себе, как 24 мая 1883 года президент Соединенных Штатов Честер Артур и огромная толпа людей, шедших со стороны Манхэттена, встретили мэра Бруклина во главе бруклинской толпы на середине моста, как гремели приветственные пушечные залпы и были сирены, а потом, как все эти люди подошли к балкончику дома, на котором сидели парализованный Вашингтон Роблинг и его жена Эмили, и низко поклонились им.

Были мы и в Гарлеме, который от старого Нью-Амстердама находится точно на таком же расстоянии, на каком Гарлем в Голландии находится от Амстердама. Судя по тому, что писали Ильф и Петров, они в Гарлеме не были, но он тогда был другим: местом для белых опасным, трущобным. Сегодня он возрождается: там никогда не было ни хай-райзов, ни небоскребов, строились очень красивые дома для людей весьма обеспеченных, которые потом, при появлении первых чернокожих жителей, оттуда бежали. Теперь эти здания восстанавливаются и отличаются совершенно неамериканской красотой, напоминая, скорее, Европу.

«Джаз можно не любить, в особенности легко разлюбить его в Америке, где укрыться от него невозможно. Но, вообще говоря, американские джазы играют хорошо». Так писали Ильф и Петров. Мне кажется, что они не очень понимали, что такое джаз. Может быть, под джазом они подразумевали разновидность американской попсы, от которой и в самом деле укрыться невозможно – как тогда, так и сейчас. Но джаз – это музыка для знатоков, я бы даже сказал, для избранных, в джазе надо разбираться ничуть не меньше, чем в музыке симфонической, классической. Джаз не встречается на каждом шагу, его надо искать – так было тогда, так обстоят дела и сейчас. В его поисках мы приехали в Гарлем, но и там нашли его с трудом в одном довольно хилом на вид ресторанчике, в котором играли три пожилых джентльмена, старшему из них – саксофонисту – был 91 год (!). Зрелище это было скорее печальное, чем музыкальное, что-то из области натуры уходящей. Любитель этой музыки, Иван Ургант, сильно приуныл – мне даже показалось, что он вот-вот либо заснет, либо заплачет. Правда, в этот же вечер (кажется) мы побывали в клубе «Блю ноут», джазовой мекке Нью-Йорка, где получили полное удовольствие и довольно внушительный счет, искупленный, впрочем, удовольствием, которое доставили нам как виртуозные музыканты, так и сама атмосфера тихого восторга, странного братства, рождаемая джазом.

Среди удобств Нью-Йорка я непременно назвал бы такси. Не успели вы подумать, что вам необходимо такси, как оно тут как тут. Никаких очередей, поднял руку – через минуту садись. Правда, есть одно «но»: бесперемонность нью-йоркцев. Собственно, бесперемонны американцы в целом. Если, например, по эскалатору поднимается пара американцев, которым хочется поговорить, они, сойдя, могут запросто остановиться и, не обращая никакого внимания на идущих за ними людей, продолжать свою беседу. То же самое произойдет у входа в здание, у магазинного прилавка. Что до такси, то вы можете стоять на обочине с поднятой рукой, что вовсе не мешает нью-йоркцу обойти вас метра на три и тоже поднять руку, остановить «вашу» машину и сесть в нее. Философия простая – кто не успел, тот опоздал. В свое время Ильф и Петров отмечали, что «такси в Америке красятся в самые вызывающие цвета – оранжевый, канареечный, белый».

И правда, в разных городах такси красятся в разные цвета, в Нью-Йорке же – исключительно в желтый. Когда-то за рулем этих машин сидели белые американцы, которые прекрасно знали город и были интереснейшими собеседниками. Ныне найти белого водителя почти невозможно. Как правило, это восседающие в тюрбанах выходцы из Индии, Пакистана (один из редких белых водителей, с которым мне довелось ехать, презрительно сказал о них, что «это те, которые носят белье на голове»), Латинской Америки и Азии. Они плохо знают английский язык, еще хуже знают город и беспрерывно разговаривают по какой-то специальной связи со своими соплеменниками на абсолютно никому не понятном языке. Правда, иногда попадаются прелюбопытные личности, как, например, совершенно черный таксист, которого мы снимали. Он приехал когда-то с Берега Слоновой Кости, совмещает свою работу с выступлениями возглавляемой им музыкальной группы, продемонстрировал нам образец своего искусства (рэп), а на вопрос: «Что для вас значит быть американцем?» – ответил так:

– Значит, быть тем, кем хочешь, делать то, что хочешь, быть свободным, если только ты этим не ограничиваешь свободу другого.

Сомневаюсь, чтобы такое сказал бы таксист любой другой страны. И не только таксист.

* * *

Нью-Йорк – город ресторанный. Я не скажу, что здесь находятся самые вкусные рестораны в мире, но зато вам предлагается кухня любой страны – от аргентинской до японской. Есть рестораны, куда попасть не составляет никакого труда, есть рестораны модные, куда попасть

сложно и надо заказывать столик иногда за неделю или две, но есть один ресторан, куда попасть вообще нельзя. Нет, это я хватил, попасть, конечно, можно, но...

Далеко от центра Манхэттена, на Восточной 114-й стрит, в той части Гарлема, которая когда-то давно была итальянской, но уже давно стала пуэрториканской, находится ресторан «Рэо'с». Входишь – ничего особенного: справа барная стойка, слева вход на кухню, а прямо – зал не зал, комната на восемь примерно столов. Стены увешаны сотнями фотографий разных знаменитостей мира кино, искусства и политики, у одной из стен стоит музыкальный автомат сороковых годов. Кроме того, народ: все столы заняты, за барной стойкой не протиснется даже хорек, все помещение охвачено дурманящим запахом домашней итальянской кухни, стоит шум и гомон, и надо всем этим царит хозяин ресторана Фрэнки Пеллегрино. Следует сказать еще вот что: столики в «Рэо'с» не заказываются, а покупаются, скажем, на год, или на всю жизнь, при этом стол покупается на определенный день недели (кроме субботы и воскресенья, когда ресторан закрыт!). Допустим, вы купили стол на каждую среду, и предположим, что вы в какую-то среду прийти не сможете. В этом случае вы звоните и сообщаете, что ваш столик свободен, и вот тут-то позвонят какому-то счастливцу, который записался в очередь год тому назад и сообщат, что он может прийти в среду.

С Фрэнки Пеллегрино я знаком давно и обязательно хотел, чтобы мы поснимали у него. Но это дело деликатное. Не только потому, что не все посетители ресторанов хотят стать объектами внимания телевизионщиков, но еще и потому, что к Фрэнки, помимо знаменитостей, ходят... ну, как вам сказать? Великолепно постриженные, с ухоженными руками, предельно модно, хоть и чуть броско одетые, с дорожными на пальцах перстнями и золотыми браслетами на кистях рук господ, которых, как вам кажется, вы точно видели... но где? Ах, ну да, конечно же! В кино! В каком? Ну, в «Крестном отце», или в телесериале «Сопранос». А когда этим людям что-то не нравится, могут последовать крайне неприятные события.

Так я стал называть Фрэнки: бесполезно. Телефон занят наглухо. В конце концов, сел в такси и поехал в «Рэо'с». Там не сервируют ни завтраков, ни обедов, поэтому было пусто – на кухне возился какой-то молодой человек. Я оставил ему записку с просьбой, чтобы Фрэнки созвонился со мной. Но звонка я не дождался и решил, на свой страх и риск, привести всю группу вечером. Подъехали часов в девять. Я просил никого не выходить из машин и сам пошел в ресторан. Как всегда, стоял дым коромыслом, как всегда, столы обходил Фрэнки Пеллегрино, шикарный, изящный Фрэнки в великолепно сшитом темно-синем костюме и белоснежной рубашке с расстегнутым воротником. Фрэнки – типичный образец итальянца с юга: черные густые волосы, темно-карие, чуть навывкате, глаза, смуглая кожа, крупный нос, сверкающие белые зубы. Да, он итальянец, но во-вторых. Впервые, он американец, который никогда не забывает о том, что его дедушки и бабушки иммигрировали и начинали с нуля, и вот он, их внук, добился всего: славы, денег, успеха.

– Только в Америке, – говорит он мне, – где еще такое могло бы произойти?

Вечер удался на славу. Фрэнки вышел на середину зала, поднял руки, попросил всех сидеть тихо, представил меня как своего ближайшего и любимого друга, рассказал о том, что мы снимаем документальный фильм об Америке – и все пошло, как по маслу. Если, конечно, не считать, что я слегка злоупотребил. Стоя у бара, я не возражал, когда бармен по прозвищу Ники-жилет (по его словам, у него несколько сотен жилетов) раз за разом наливал то двойной виски, то двойной мартини – словом, на следующее утро я не мог вспомнить, что я сказал в своей прощальной речи. Более того, я не мог вспомнить, говорил ли я что-нибудь вообще.

Американцы обожают отдыхать, развлекаться, это у них называется to have fun, to play, и делают это они с энтузиазмом, изо всех сил. Но они с таким же энтузиазмом и тоже изо всех сил работают, я бы даже сказал, вкалывают. Нигде так не работают, как в Америке и, пожалуй, нигде так не «отдыхают» – ставлю кавычки, потому что отдых все же предполагает покой, чего американский «отдых» вовсе не предусматривает.

* * *

Прибывшие в Нью-Йорк в восьмидесятые годы XX века бабушки и дедушки Фрэнки Пеллегрино должны были пройти иммиграционный фильтровочный пункт на Эллис-айленд, на острове Эллис. Там ныне находится Музей иммиграции, куда мы и направились. На самой южной оконечности Манхэттена можно сесть на паром, который привезет вас сначала на Остров Свободы (Либерти-айланд), где высится Леди Либерти, она же статуя Свободы, а оттуда – на Эллис. Хотя и в будний день, но народу было тьма, все, конечно, туристы, но вовсе не иностранные, а американцы, приехавшие из разных штатов. Разглядывая их, я невольно вспомнил два наблюдения Ильфа и Петрова: «Больше всего американцы курят „Лаки Страйк“ в темно-зеленой обертке с красным кругом посередине, „Честерфилд“ в белой обертке с золотой надписью, и „Кэмел“ – желтая пачка с изображением коричневого верблюда». И еще: «Американцы по своей природе – жующий народ. Они жуют резинку, конфетки, кончики сигар, их челюсти постоянно движутся, стучат, хлопают».

Рассматривая американскую толпу, легко было убедиться в том, что ныне курить в Америке – не «кул», не круто. Даже на воздухе, где, в отличие от любых публичных помещений, курение не запрещено, почти не видно дымка, не слышно запаха горящего табака. В этом Америка преуспела. Как же добились этого? Понятно, не тем, что сумели довести до сознания всех вред курения – об этом знают даже аборигены в Австралии, но мир меньше курить не стал. Дело в другом: в Америке сумели сделать так, что курение оказалось не модным, чем-то скорее не совсем приличным, как ковыряние в носу. Сумели сделать из некурящего человека пример для подражания – и именно в Америке это сработало как нигде в мире. Американцы считают себя абсолютными индивидуалистами, полагают, что их страна, как никакая другая, прославляет и превышает всего ценит индивидуальность. Это – миф. Нет второго народа, который был бы так готов следовать моде, встроиться в то, что становится эталонным. Модно бегать трусцой? Вся нация бежит, тяжело переводя дыхание. Модно худеть? Нация тратит миллиарды долларов на приобретение чудо-лекарств, от потребления которых вы похудеете на неслыханное количество паундов за две недели. Моден в этом году желтый цвет – вся нация желтеет, словно лес осенью. На самом деле, стадное чувство гораздо более свойственно американцу, чем англичанину, французу, итальянцу или русскому, и это, возможно, одна из причин, почему так легко управлять этим народом.

И, конечно, американцы остаются жующим народом.

Рот у них занят постоянно – не только жвачкой, но чипсами, хот-догами, конфетами, мороженым, орешками и тому подобным. Буфет нашего паррома беспрерывно торговал, но очередь не уменьшалась до самой статуи.

Жара стояла такая, что под ногами асфальт слегка подавался. Очередь тех, кто желал попасть внутрь Мисс Либерти, растянулась на несколько сот метров. Мы все заметили, что американцы смотрят на эту леди влюбленными глазами, но еще не понимали, что мы являемся свидетелями лишь одного из проявлений американского патриотизма, о котором я еще скажу. Я вдруг вспомнил слова одной известной американской киноактрисы, сказанные мне вскоре после 11 сентября 2001 года:

– Знаете, если бы террористы взорвали статую Свободы, это было бы для нас хуже, чем то, что случилось с башнями-близнецами. Мы бы сошли с ума от горя и гнева.

Походив вокруг «дамы» с факелом и отсняв «натуру», мы, не проявив интереса к исследованию ее внутренностей, поплыли к Эллис-айленду и Музею иммиграции. Место это необыкновенно интересное, оно предоставляет посетителю возможность как бы стать одним из тех двенадцати миллионов, кто прошел здесь между открытием этого фильтрационного пункта в 1892 году и его закрытием в 1954-м. Необычно наглядно представлены пути иммиграции,

откуда, в какое время и из каких стран шла иммиграция, но, пожалуй, больше всего производит впечатление один экспонат, который отражает самую суть американского эксперимента. Представьте себе сделанный из пластмассы рифленый американский флаг длиной метров десять и порядка трех – высоты. Приближаясь к нему с одной стороны, вы видите звездно-полосатый стяг Соединенных Штатов Америки, но когда вы начинаете продвигаться вдоль него, вместо флага начинают появляться лица – черные, белые, желтые, мужские, женские, старые, молодые, детские, тысячи, десятки тысяч лиц тех, кто прошел здесь, кто приехал иностранцами, а потом, попав в американский «плавильный котел», стали американцами. А потом, пройдя в обратном направлении, вы видите, как лица постепенно сливаются в американский флаг.

Кстати, о «плавильном котле». За годы жизни и работы в Америке мне стало казаться, что котел начал барахлить, он уже не так уж и плавит. Скорее, можно говорить о «салате», разные части которого не сливаются воедино, а существуют рядом, все еще образуя нечто перемешанное, но не цельное. Некоторые, правда, утверждают, что и этого не стало, что новая иммиграция из Азии, Африки и Латинской Америки не смешивается с «настоящей» Америкой, словно вода и растительное масло. К этой теме я еще вернусь, но здесь скажу, что для человека, который хочет понять, нет, почувствовать Америку, посещение Эллис-айленда совершенно необходимо.

День был предельно насыщен, вечером, еле волоча ноги, мы с Иваном добрались до той самой гостиницы и того самого номера, в котором целый месяц провели Ильф и Петров. Они писали: «Поздно ночью мы вернулись в отель, не разочарованные Нью-Йорком и не восхищенные им, а скорее всего встревоженные его громадностью, богатством и нищетой».

Мы тоже не были ни разочарованы, ни восхищены – Москва ничуть не меньше Нью-Йорка, в ней богатства и нищеты тоже предостаточно, что, впрочем, мало кого тревожит. На самом деле, Нью-Йорк много богаче Москвы, мне иногда кажется, что, хотя и говорят, что деньги не пахнут, в этом городе запах денег ощущается. На Уолл-стрит, в финансовом центре Америки, если не сказать мира, Ваня Ургант присел около слива у обочины, откуда валил густой пар. Взмахами рук он направил пар на свое лицо и, несколько раз втянув его запах носом, сказал:

– Вот так пахнут деньги, дорогие мои.

В течение всей нашей поездки по этой сказочно богатой стране мы встречались с такой нищетой, что могло показаться, будто мы находимся в Бангладеш, и это, в самом деле, вызывало у меня не столько чувство тревоги, сколько недоумение: ну как может существовать такая бедность при таком богатстве? Американцы в этом смысле обладают каким-то особым зрением: они этого не видят. Все устроено так, что пути бедных и богатых не пересекаются почти никогда. Есть Нью-Йорк для богатых, есть для обеспеченных, есть для более или менее преуспевающих, а есть для бедных. Это совершенно разные районы города, они не похожи друг на друга, там все выглядит иначе – магазины, дома, сами улицы и их жители редко выходят за пределы своего... ну, как бы это сказать, не гетто, конечно, но территории.

Побывав в бывшем «Шелтон»-отеле, мы спустились и, собравшись группой, разбили о тротуар тарелку, после чего каждый взял себе один кусочек. На этом настоял наш режиссер Валерий Спирин. Как он объяснил, так заведено у документалистов; когда работа будет завершена, мы вновь встретимся и по кусочкам соберем эту самую тарелку. Если не соблюсти этот ритуал, сказал он, ничего из нашей затеи не получится. Я хотел спросить, гарантирует ли соблюдение ритуала успех нашему предприятию? Но почему-то не спросил...

* * *

Наутро мы стали грузиться в дорогу. Наш «грип» зафиксировал камеры на капоте нашего «Форда», вызвав тем самым живейший интерес проходивших мимо американцев. С трудом

мы втиснули в машины разнообразные ящики, баулы и чемоданы, и тронулись в путь. Путь этот лежал в Куперстаун, в штате Нью-Йорк, где находится Зал Славы всеамериканской игры, название которой «бейсбол». На этом настоял я, поскольку убежден, что понять американскую душу, не понимая сути бейсбола, совершенно невозможно.

Разумеется, у нас были подробнейшие карты, но предпочтение было отдано хай-теку под названием GPS. Штука, конечно, донельзя удобная, но, как всегда, нет добра без худа: пользуясь только и всегда ею, люди разучатся читать карты, как, например, не могут в уме или с карандашом и бумагой умножать 8 на 9 дети, которые пользовались только калькуляторами. Вообще я заметил, что в Америке, в стране хай-тека, достаточно этому хай-теку дать сбой и все замирает. Слова «завис компьютер» произносятся с той же интонацией, как «конец света». В этом случае вполне на вид толковый регистратор превращается в совершенно беспомощного дебила, который не может ответить ни на один вопрос.

Саша Носков прикрепил к лобовому стеклу купленный нами аппарат GPS и ввел город назначения – Куперстаун, название улицы и номер дома, где расположен Зал Славы бейсбола, и мы поехали. И тут начались чудеса. Едем час, едем полтора часа – и никак не выедем из Нью-Йорка. Да и вообще я начинаю понимать, что едем не туда. А время дорого, мы еще должны успеть заехать в город Бикон, чтобы пообщаться с Питом Сигером, о котором будет сказано ниже.

Едем туда – не знаем куда. Наконец, мне приходит в голову гениальная мысль. Остановив наш табор, я спрашиваю:

– Саша, а вы ввели название штата? Город Куперстаун, штат Нью-Йорк?

Саша смотрит на меня с удивлением и отвечает: «А разве надо?».

Тут-то и выясняется, что, поскольку в Америке есть множество Куперстаунов, умная система глобального определения координат начинает искать их по штатам в алфавитном порядке, и первый в этом списке – штат Делавер, который нам совершенно не нужен. До Делавера мы, к счастью, не доехали, но не доехали мы и до Зала Славы бейсбола, уже не было на то времени. Так мне и не удалось объяснить нашей команде и в особенности Ване Урганту, что такое бейсбол, почему без понимания сути и души этой игры невозможно понять суть и душу Америки. Правда, в самом конце нашего путешествия представилась возможность познакомиться Урганта с великой американской игрой. Но он мало что понял.

Увы.

Глава 2

Пит Сигер и кое-что о гражданском обществе

Городок Бикон лежит к северу от города Нью-Йорка, часах в полтора езды, на самом берегу реки Гудзон. Там живет мой друг и учитель, народный певец, мудрец-мыслитель, борец за все, за что только надо бороться, Пит Сигер.

Я познакомился с ним лет в одиннадцать или двенадцать, когда на уроке пения в класс вошел «стручковая фасоль», как в Америке называют человека столь длинного, сколь и худощего. У «фасоли» на одном плече висела невиданных размеров гитара (как потом оказалось, двенадцатиструнная), на другом – банджо. На нем были джинсы, клетчатая с открытым воротником рубашка и какие-то здоровенные и давно не чищенные бахилы. Ничего не сказав, он снял с плеча и положил на рояль гитару и начал потихоньку перебирать струны банджо. Мы все сидели, как замороженные. Потом он тихо сказал:

– Привет, меня зовут Пит Сигер, я – ваш новый учитель музыки. Кто здесь любит петь?

Строго говоря, никто из нас петь не любил, точнее, не любил урок музыки, на котором довольно пожилая очкастая дама, сев за рояль, заставляла нас петь всякую чушь. Но Пит был совсем не похож на учителя музыки и, как потом оказалось, мы все любили петь.

Пит влюбил нас, и меня в первую голову, в американскую народную музыку. У американцев есть легендарная, почти былинная личность – Джонни Апплсид, Джонни Яблочное зерно – который, как явствует из его прозвища, ходил по Америке, разбрасывая яблочные зерна. На самом деле, это был реальный человек, имя его – Джон Чапман, он родился в 1774 году и еще при жизни прославился не только тем, что сажал яблоневые сады, но и своей любовью к животным и тем, что мы сегодня назвали бы борьбой за сохранение окружающей среды. Джон Чапман был высокого роста, худощав и главным своим делом считал сеяние добра.

Пит Сигер – современный Джон Чапман, вполне легендарная фигура. Перечисление всего того, что он сделал за свои восемьдесят три года, потребовало бы написания отдельной книги, так что ограничусь лишь одним: он добился чтобы была построена шхуна, на которой вместе с командой единомышленников плавал по Гудзону; парусник «Клируотер» («Чистая вода») заходил в города, в которых Пит устраивал концерты и призывал всех присоединиться к движению за очищение почти уже задохнувшейся от загрязнений реки. И что же? Сегодня в Гудзон вновь вернулись исчезнувшие, казалось навсегда, осетры, не говоря о других, более прихотливых рыбах, в его водах можно безо всяких опасений купаться, да что купаться, эту воду можно пить.

Сигер живет со своей женой Тоши, американкой японского происхождения, в доме, который он построил собственными руками. Дом расположен идеально – на высоком холме, откуда открывается красивейший вид на Гудзон. Туда мы и прибыли всей командой, прибыли с полторачасовым опозданием. Пит и Тоши уже собирались на таун-митинг, то есть на собрание жителей городка, и мы договорились приехать туда после того, как немножко поснимаем в доме.

Собрание проводилось у самого берега Гудзона. Участники принесли разного рода холодную и горячую еду (на наш коллективный взгляд, не очень вкусную), с тем, чтобы подкрепиться до начала работы. Кроме того, кое-кто принес с собой музыкальный инструмент – гитару, мандолину, губную гармошку, поскольку в программу обязательно входило поиграть и попеть. Пит замечательно играет на гитаре и на банджо. Увы, он больше не поет – голоса нет: он так наэксплуатировал за эти годы свои голосовые связки, что они стали отказывать ему. Говорит он тихим, чуть сиплым голосом, но петь не может. В свое время пел, как он говорит, «расщепленным тенором», голосом высоким и абсолютно узнаваемым из-за некоторой подхриповатости – той самой «расщепленности».

Мы понаблюдали, как эти американцы – человек двадцать или тридцать – поев, попив и попев – сели обсуждать свои дела. Я совершенно точно видел, что наша группа вообще не понимает, что происходит. А происходило то, что практиковалось еще в колониальное время, задолго до возникновения Соединенных Штатов, иначе говоря, то, что существует в Америке уже около трехсот лет: Town meeting, Собрание городка. Именно городка, потому что таун-митинг – это не просто митинг, то бишь собрание, это местный орган власти для населенного пункта, жители которого пожелали считать свое местообитание тауном (городком), а не сити (городом). Так вот, в городе управление осуществляется городской властью, муниципалитетом, а в городке – именно таун-митингом, то есть самими жителями. Я не вдаюсь в тонкости и подробности, но нет никакого сомнения, что из всех форм демократического правления эта – самая демократическая.

Не так важно, что обсуждалось на этой встрече, важно как это обсуждалось: спокойно, деловито, с соблюдением всех правил и – а это было главное для нас, несколько ошалевших от происходящего – с абсолютной уверенностью в том, что принятые ими решения будут выполняться потому хотя бы, что это их городок, что в ответе за него именно они, и как они решат – так оно и будет.

Американская демократия в действии. Еще будет повод более подробно и предметно поговорить на эту тему, но важно, что в самом начале пути мы столкнулись с этим сугубо американским явлением. Хотя вдруг вспомнил, что у него были предшественники: афинская ассамблея, новгородское вече, антельглезия средневековых басков и проходящие по сей день два раза в год собрания жителей порядка девяноста процентов всех кантонов Швейцарии.

По окончании собрания мы сели с Питом на пирсе. Уже было темно, наши световые приборы бросали желтые блики на окружающую нас воду Гудзона, и Пит тихо отвечал на мои вопросы:

– Американская мечта существует по-прежнему? То, что когда-то называли американской мечтой, это еще что-то значит?

– В каком-то смысле да. А в каком-то ее не существует уже давно. В 1890 году тогдашний президент Резерфорд Хейз на встрече с миллионерами сказал: «Согласитесь, в нашей стране, Америке, давно нет правительства народа, созданного народом и для народа, как говорил об этом Линкольн в своей известной геттисбергской речи. Это страна богатых для богатых». А сегодня можно добавить: и корпораций.

– Существует ли некий «средний американец»?

– Я думаю, лучше всего под определение среднего американца подходит человек, который много смотрит телевизор, особо не читает газет и страдает избыточным весом... Думаю, средний американец привык говорить то что он думает, безо всякой опаски. Если ему сказать: не говорите этого, то средний американец ответит: это же Америка, у всех есть право на свое мнение.

Пит говорил, а я не мог оторваться от совершенно голубых, совершенно детских глаз худющего и длиннющего человека, который с полным, не допускающим никаких сомнений, убеждением говорил:

– Пока мы умеем смеяться, мы одолеем.

* * *

Американцы, конечно, наивны, это факт, и мы, европейцы, посмеиваемся над ними с высоты своего многовекового опыта. Мы, европейцы, скорее, скептически, а то и циничны, мы-то знаем, что старайся не старайся, все равно не получится, или получится не то, чуть ли не каждое предложение – это я имею в виду Россию – начинают с отрицания, со слова «нет», например, «нет, но...». Американцы никогда не начинают с отрицания. Мы ищем доводы в

пользу того, что данное предложение осуществить невозможно, американец сразу ищет способы, как добиться поставленной цели. Мы знаем, что ничего не получится, а он, американец, этого не знает – и потому у него это получается, и Америка оставляет всех далеко позади. Иногда незнание оказывается необыкновенно полезным, мощным стимулом прогресса: ведь если не знать, что тяжелый предмет летать не может, то даже не попытаешься построить летательный аппарат, а вот если этого не знать, то...

Американская демократия в значительной степени родилась в противовес общепринятому мнению, что существующий монархический порядок незыблем. Это мы сегодня легко и непринужденно оперируем такими терминами, как «права человека» и «свобода печати», но когда эти понятия появились в Билле о правах в декабре 1793 года, это было неслыханно, невероятно и невозможно.

Только американцы того времени, особенно Томас Джефферсон, не знали об этом.

Глава 3

Как «позор у озёр» превзошел все наши ожидания

Город Кливленд, что стоит на берегу озера Эри, одного из пяти Великих озер Северной Америки, не входил в маршрут Ильфа и Петрова. В этом нет ничего удивительного: в те годы Кливленду особенно хвастаться было нечем, если не считать того, что именно в этот город приехал совсем мальчишкой Джон Д. Рокфеллер, и именно там он заложил фундамент своего сказочного состояния.

Город, правда, был мощным сталелитейным центром, но, это, пожалуй, и все. Таким центром он оставался и во время Второй мировой, и после, но потом настали для Кливленда тяжелые времена, да и не только для него. Американская сталелитейная промышленность оказалась неконкурентоспособной в борьбе с японской, и она умерла. На ее месте образовался так называемый «ржавый пояс Америки», десятки городов и городков, которые обязаны были своему рождению и расцвету стали и железу, а потом захирели. Среди них Кливленд оказался таким неудачником, что получил прозвище «Позор у озёр», и мы не приехали бы туда, если бы...

Вынужден совершить некоторое отступление.

Несколько лет тому назад у очень близкого и дорогого мне человека была выявлена проблема с одним из клапанов сердца. В результате поисков лучшего специалиста по этому вопросу я вышел на кардиохирурга Делоса Косгроува, заведовавшего тогда отделением кардиологии Кливлендской клиники, куда мы и поехали, предварительно созвонившись. Диагноз был подтвержден, последовала операция по замене клапана, и за это время мы с доктором Косгроувом подружились. Так вот, и Косгроув, и теперь уже возглавляемая им клиника произвели на меня неизгладимое впечатление. Они и явились причиной нашего приезда в этот город, этот «позор у озёр», который, правда, за последние годы постепенно вновь встает на ноги, вновь становится успешным и привлекательным, почему получил и второе прозвище, «Comeback city», что можно перевести как «город, сумевший вновь вернуться», но по-русски я назвал бы его «ванькой-встанькой».

Пока добирались до Кливленда, мы лишний раз смогли убедиться в наблюдательности Ильфа и Петрова, отметивших странную склонность американцев давать своим абсолютно захолустным городкам самые пышные названия: Сиракузы, Помпеи, Батавия, Варшава, Каледония, Ватерлоо, Женева. Въехав же в Кливленд поздно ночью и слегка поплутав по его улицам, мы увидели, что и они отличаются весьма громкими названиями. Например, наша гостиница, расположенная рядом со зданиями клиники, называлась Юклид авеню, по-русски авеню Евклида. Могу дать голову на отсечение, что если остановить сто человек прохожих и спросить их, кто такой этот самый Юклид, по авеню имени которого они ходят, в лучшем случае ответят трое, не больше.

Наутро наша съемочная группа отправилась в клинику. Тут, наверное, следует сказать, что полное название этого учреждения – The Cleveland Clinic Foundation, что следует перевести как Фонд Кливлендской клиники. Это лечебное заведение было создано четверью врачами вскоре после окончания Первой мировой войны и давно считается одним из десяти лучших в Америке.

Ваня Ургант выразил удивление по поводу того, что такой мощный центр находится в таком, в общем, второстепенном городе.

– Почему не в Нью-Йорке – вопрошал он, – ведь туда легче добраться, да и возможностей побольше?

Соображение типичное для жителя России, где все всегда было предельно централизовано и где все лучшее и самое влиятельное – от науки и политики до образования и искусства – сосредоточилось в Москве и Санкт-Петербурге. В Америке все обстоит иначе: лучшие учеб-

ные заведения, такие как Гарвард, Йель, Массачусетский технологический институт, Принстон и другие, находятся не в Нью-Йорке и не в Вашингтоне, а что до лучших клиник и больниц, то они рассредоточены по всей стране. Нет ни малейших сомнений, Америка сильна, в частности, этой рассредоточенностью, отсутствием суперцентрализации, тем, что житель Нью-Йорка или Вашингтона не будет иметь доступа к школам, университетам и больницам более высокого уровня, чем тот, который живет в Канзас-сити, Омахе или... Кливленде. Как так получилось, по каким причинам, вопрос сложный, но, как мне кажется, люди, бежавшие от коронованных особ Европы в XVII–XVIII веках, приобрели устойчивый иммунитет к централизованной власти, а если не иммунитет, то аллергию. Недаром каждый штат, начиная с самого начала существования США, когда штатов было всего тринадцать, отстаивал свои права, свою независимость от федерального правительства, недаром в Конституции записаны и специально оговорены права штатов и их независимость от центра...

* * *

Кабинет доктора Косгроува лишен каких-либо украшений, если не считать стеклянной вазы, в которой разложены спиралью карандаши: все они наточены одинаково и до предела, все они стоят грифелем вверх, все они желтого цвета, все они одного размера, от них веет уверенным порядком. Входит председатель правления Фонда Кливлендской клиники. Я протягиваю руку и говорю:

- Доброе утро, доктор Косгроув, я...
- Тоби, – перебивает он меня, – зовите меня Тоби.

Откуда взялось это прозвище – не знаю, хотя о его носителе знаю довольно много. Например, что он – отчаянный яхтсмен, который не раз принимал участие в самой престижной регате в мире – Кубке Америки; знаю и то, что он служил врачом во Вьетнаме во время войны. Знаю, что поступил в престижнейшую Медицинскую школу Гарвардского университета, мог остаться там, но по окончании погрузил свой скарб в мини-грузовик и отправился в Кливленд, поскольку из газеты узнал о наличии в клинике свободных мест и должностей, которых он дожидался бы годами, останься он в Гарварде. Наконец, знаю, что Тоби Косгроув – выдающийся кардиохирург и ученый, один из изобретателей искусственного клапана сердца. Он роста высокого, по-спортивному подтянут, и все у него крупное, какое-то истинно мужское, по крайней мере, так мне показалось: крупные руки, крупные черты лица...

– Тоби, – начал я, – расскажите нам о Фонде Кливлендской клиники, что отличает ее от других медицинских учреждений Америки?

Вот суть его ответа:

Большинство больниц в Америке не имеют штатных врачей. Они управляются администрацией. Врачи же просто используют оборудование этих больниц для своей частной практики. Таким образом, пациент платит по двум счетам: больнице – отдельно, врачу – отдельно. В Кливлендской клинике все иначе. В 1921 году четыре врача решились посягнуть на незыблемые устои американской медицины. Их имена: Джордж Крайл, Фрэнк Бантс, Вильям Лоуэр и Джон Филипп.

– Они решили, что откажутся от своих личных гонораров... Всех перевели на зарплату, больница стала единым учреждением, а все доходы теперь шли на ее развитие...

– ...И здесь по-прежнему такая система?

– Да, это по-прежнему один из принципов нашей работы... За время работы здесь я подписал порядка тридцати контрактов, я такой же сотрудник, как и все остальные в клинике.

Врачи, работающие в клинике, получают заработную плату – и только. Если в Америке обычно хирург, например, не является штатным сотрудником больницы, а пользуется ею в

качестве операционной базы и получает за операцию отдельную (и весьма высокую) плату, и пациент таким образом платит дважды – больнице за койку, медикаменты и уход, и хирургу за операцию, то в Кливлендской клинике хирург ничего не получает за операцию, он живет на зарплату. Это существенно снижает стоимость лечения. Кроме того, больница для врача становится «своей», а не просто местом, куда он приходит от случая к случаю. Наконец – и это совершенно не характерно для американской системы здравоохранения, здесь согласятся лечить даже того, у кого нет ни денег, ни медицинской страховки.

Ильф и Петров писали об американской системе здравоохранения, что она больше похожа на «налет бандитов, чем на человеколюбивую медицинскую помощь».

С тех пор ничего по существу не изменилось. Порядка сорока семи миллионов американцев не имеют медицинской страховки, без которой невозможно рассчитывать на лечение – оно настолько дорого, что лишь очень немногие могут оплачивать его. Сорок пять миллионов – это пятнадцать процентов населения США, которые фактически не могут рассчитывать на медицинские услуги. Почему это так? Тоби Косгроув отвечает:

– Это на самом деле любопытно. Давайте поговорим об этом. Этих людей можно разделить на три группы. Треть из них в принципе может себе это позволить, но им двадцать два года, им кажется, что они абсолютно здоровы, так что они просто об этом не думают. Это треть. Еще одна треть пациентов подпадает под программы Медикэр и Медикэйд или другие схемы финансирования...

– Им 65 лет и старше?

– Да, и у них нет необходимости покупать страховку. Это вторая треть. И еще порядка пятнадцати миллионов человек в Соединенных Штатах действительно не могут себе это позволить, и при этом они не подпадут ни под одну программу, по которой они могли бы лечиться... Это действительно серьезная проблема...

Все-таки поразительно. Американская медицина справедливо считается одной из сильнейших в мире. Но сама система здравоохранения, вне всякого сомнения, является одной из худших. Любые попытки сделать лечение общедоступным, как, например, в Канаде, встречают отчаянное сопротивление Американской медицинской ассоциации (АМА), это объясняется сугубо материальными интересами врачей (чтобы не сказать жадностью). Есть сопротивление и со стороны лоббистов и политических деятелей разных уровней. Они тоже твердят об опасности «введения социалистической медицины».

Надо ли говорить, что подавляющее большинство американцев не имеет ни малейшего представления о том, что такое социализм? Зато они совершенно точно знают, что это нечто ужасное, угрожающее самим основам столь дорогого им американского образа жизни. За годы противостояния между СССР и США удалось сформировать у американцев реакцию на слово «социализм», которую я сравнил бы с условным рефлексом по Павлову: раздается «звонок» – слово «социализм» – и субъект начинает выделять слюну.

Кстати, американец необыкновенно легко поддается идеологической обработке. Возможно, это объясняется его наивностью, тем, что он крайне мало знает о внешнем мире, еще меньше интересуется им, но это факт: там, где европеец усомнится и скорее скептически воспримет политические лозунги и трафареты, американец проглотит не только наживку, но и леску вместе с грузилом. Это по разительное отсутствие знаний доходит до курьезов. Помню, как один вполне преуспевающий господин спросил меня, правда ли, что Леннон был родственником Ленина (по-английски фамилии Lennon и Lenin звучат почти одинаково).

Еще Ильф и Петров с удивлением отметили то, о чем пишу я: «В характере американского народа есть много чудесных и привлекательных черт. Это превосходные работники, золотые руки... Американцы точны, но далеки от педантичности. Они аккуратны. Они умеют держать свое слово и доверяют слову других. Они всегда готовы прийти на помощь. Это хорошие товарищи, легкие люди.

Но вот прекрасная черта – любопытство – у американцев почти отсутствует».

Это правда. Надо полагать, что не каждый день встречаются в Америке съемочную группу из России. Но ни в самой клинике, ни в каком-либо другом месте нам не задавали никаких вопросов, кроме одного: меня покажут по телевидению?

Правда и то, что Ильф с Петровым сказали о том, как американцы работают – чему мы получили подтверждение, в частности, в Кливлендской клинике: в громадных зданиях этого гигантского медицинского центра царит образцовый порядок, нет ни малейших сомнений в том, что каждый – от главного врача до последнего санитаря или секретаря – превосходно знает свой маневр. Чистота образцовая, но не больничная в традиционном смысле, нет ни удручающего белого цвета стен, ни специфического больничного запаха, что и было отмечено Ваней Ургантом. Поразило его и то, что атмосфера совсем не больничная: люди бодро улыбаются, никаких скорбных лиц, никакой печали, и в операционной, куда пустили нас после того, как мы сменили два вида одежды и совершили необходимое умывание, тихо играла джазовая музыка, пока команда хирургов совершала тончайшую многочасовую операцию.

Когда мы с Ваней вернулись из операционной в раздевалку, с нами случилась забавная история. Еще когда мы переодевались, нам выделили шкафчики для одежды и замки для их запираения. Я просто не поверил своим глазам – это были точно такие же стальные с кодом замки, какими мы запирали свои школьные шкафчики в моем детстве. Дали нам и написанный на бумажке шифр для отпираения замка. Так вот, запереть шкафчики удалось без всякого труда, а отпереть... Мы так и так старались, столько-то поворотов направо до такой-то цифры, столько-то налево, но замки не открывались. Ваня стал возмущаться, что нет американца, который не мог бы пользоваться такими замками, а мы какие-то недоделанные, не умеем. В конце концов мы с Ваней сдались и попросили о помощи. Один из врачей отпер замки с такой легкостью, что мы почувствовали себя личностями бездарными и никчемными, а я отметил про себя, что то, что я делал в детстве не задумываясь и без усилий, то, что умеет делать любой американец, я делать разучился. Обидно.

Клиника и ее работники произвели на всю нашу съемочную группу колоссальное впечатление. Почему примеру этого удивительного учреждения до сих пор не последовало все американское здравоохранение – вопрос, который для меня остается открытым...

* * *

Смотреть в Кливленде особенно нечего: как многие другие американские города, он вполне стандартен. В деловом «даунтауне» торчат, словно пальцы одной руки, сиротливые небоскребы, по сути дела, нет никакой архитектуры, если не считать Зала Славы рок-н-ролла, спроектированного великим американским архитектором китайского происхождения И. М. Пеи. Впрочем, есть район красивый, и, как оказалось, весьма для нас интересный. Имя ему «Шейкер Хайтс».

Поначалу это было самостоятельное поселение, которое обосновала религиозная группа «Шейкеры» («Трясуны»), но оно давно стало частью Кливленда, да не просто частью, а очень и очень элитарной частью. Перед превосходными особняками простираются ухоженные газоны и растут старинные деревья. Здесь живут люди денежные, в том числе и такие, которые стали богатыми в первом поколении. Они-то нас и интересовали.

Первой в нашем списке значилась Сидел Миллер, миловидная миниатюрная блондинка, создавшая вместе с мужем компанию по выпуску предметов женской красоты. Все началось с маленькой парикмахерской мужа, там они решили наладить выпуск накладных ресниц, сделанных из натурального волоса. Это оказалось необыкновенно успешной удачной идеей, при-

шли первые деньги, которые они вложили в долгосрочный проект: воспитание нового типа парикмахера.

– До этого времени, – сказала Сидел Миллер, – отношение к парикмахеру было плевое, сами представители этой профессии не гордились своим делом, в них не было чувства собственного достоинства. Мы с мужем решили, что это неправильно. Ведь парикмахер – это человек, который физически дотрагивается до вас, мы позволяем делать это только врачу, больше никому. Парикмахер – это еще и психолог, с ним делятся, с ним советуются. Вот мы и решили сделать из парикмахера человека, уважаемого другими и чувствующего свое значение. Мы для этого наняли психолога, затем создали школы, не только в Кливленде, но и во многих других городах. Одновременно с этим мы придумывали много другого – в наших салонах красоты мы стали предлагать самые разные услуги – массажи, например, мы создали новые кремы-вымы!!!...

Одним словом, Сидел и Арнольд Миллер, начав с нуля, выстроили мощнейшую и популярнейшую фирму.

Очень похожую историю рассказал нам Ларри Поллок, сын беднейших иммигрантов из Минска, человек, который начал работать с 14 лет и который, пройдя через множество испытаний, сегодня является владельцем крупнейшей сети книжных магазинов «Бордерс».

Когда я спросил и ее, и его, как обстоят дела сегодня со знаменитой американской мечтой о том, что в Америке любой человек может добиться всего, что он захочет, я получил на удивление похожие ответы. Сидел Миллер:

– Если вы способны усердно работать, готовы работать с людьми, здесь, в Соединенных Штатах, вы можете добиться всего, чего желаете. Все возможно. Это требует времени, терпения и огромного труда. Но это возможно.

Ларри Поллок:

– Я верю, что если много работать и сосредоточиваться на работе, вы сможете хорошо заработать... И один из великих принципов, который является частью американской мечты, – это возможность отдавать что-то, тем самым помогая другим людям. Об этом вы можете судить по клинике в Кливленде, которую спонсируют частные лица.

Не все американцы согласятся с этим. По ходу нашего путешествия мы встречали людей, которые говорили, что американская мечта еще реальна, но не так, как это было когда-то, а некоторые говорили, что ее больше не существует и вовсе. Но таких было мало. Подавляющее большинство верит в эту мечту – и именно поэтому она реальна.

Есть еще одно соображение, о котором я, возможно, уже писал, но считаю столь важным, что повторюсь: человек часто добивается невозможного именно потому, что он не знает, что это невозможно. В американском характере есть, по-моему, одна совершенно уникальная черта – убеждение, что все возможно. Это сродни ребенку, который берется делать то, что взрослый делать не будет, потому что он, взрослый, знает, что ничего из этого не выйдет. Ребенок этого не знает, он просто делает – и часто преуспевает.

Кливлендская клиника тому подтверждение.

Глава 4

Sic transit gloria mundi

Мы на своем «Форд-Эксплорере» въехали в его роддом – на завод Форда в городе Дирборне.

Я не знаю, что чувствовала наша «Генриетта», вернувшись к месту своего рождения, мы же не могли оторвать глаз от этого гигантского заводища. Поражены были в свое время и Ильф с Петровым, но как же различается то, что видели они и видели мы:

«День был ужасен. Холодная водяная пыль носилась в воздухе, покрывая противным гриппозным блеском крыши, бока автомобилей и низкие здания Мичиган-авеню, соединяющей Дирборн с Детройтом... Улица кончилась. С высоты эстакады открылся суровый индустриальный вид. Звонили сигнальные колокола паровозов, разъезжающих между цехами. Большой пароход, свистя, шел по каналу, направляясь к самой середине завода. В общем, здесь было все то, что отличает промышленный район от детского сада, – много дыма, пара, лязга, очень мало улыбок и счастливого лепета. Тут чувствовалась какая-то особая серьезность, как на театре военных действий, в прифронтовой полосе...».

Наш же день был прекрасен. Яркое солнце освещало белоснежные громадины цехов, не было видно ни дыма, ни пыли, а в самих цехах не было ни пара, ни лязга. Не звонили паровозные колокола, не свистели пароходы. Было на удивление тихо. Потом мы выяснили, что пароходы давно не являются средством транспорта заводской продукции, а паровозы заменены современными электровозами, которые, как известно, в колокол не бьют. Изменились в не меньшей степени цеха: они светлые, чистые, оборудованы мощными кондиционерами, а что до конвейеров, то с ними произошла удивительная метаморфоза: не они двигаются, а движется пол, на котором стоят сборщики. И самое поразительное: крыши цехов сделаны из стальной сетки, покрытой растительностью. Газон не газон, а плотная растительность, которая не пропускает воду, но пропускает воздух, удерживая при этом тепло зимой и прохладу летом. На этой «живой крыше» даже гнездятся птицы – мы с Иваном просто опешили, когда увидели, как при нашем приближении взлетел – нет, не голубь, а ястреб!

Все, кажется, замечательно, но...

Было время, когда Америка была не просто ведущей автомобильной державой мира, она была единственной, ни одна страна не могла сравниться с ней. Первую роль в этом сыграл как раз Генри Форд, ведь именно он считал, что автомобиль должен быть доступен каждому американцу, а не элите, как это было в Европе. Именно массовый автомобиль явился мощнейшим импульсом для всей американской индустрии, именно автомобилестроение подтолкнуло строительство знаменитой всеамериканской дороги. Можно сказать, что американский автомобиль стал локомотивом всей американской экономики. Но оторвавшись от всего остального мира и будучи совершенно уверенными, что ни одна страна не сможет бросить вызов, и «короли индустрии» стали почивать на лаврах. Не успели они оглянуться, как ведущей автомобильной державой стала Япония, машины, выпускаемые «Хондой», «Мицубиси», «Тойотой», захватили треть американского рынка, к тому же на пятки стали наступать «Фольксваген», «Ауди», «BMW» и «Мерседес».

Когда-то в детстве я придумал такую игру: когда я шел по улице, я подсчитывал сколько машин какой марки припаркованы на моей стороне: побеждал то «Бьюик», то «Форд», то «Шевроле», из машин шикарных дуэль шла между «Кадиллаком» и «Паккардом», иностранные же марки почти никогда не попадались. Когда я теперь приезжаю в Нью-Йорк, я играю в другую игру: каких машин будет больше, американских или иностранных, и неизменно побеждают последние. Правда, в «серединной» Америке и, конечно, в сердце автомобильной промышленности – Детройте и Дирборне – больше машин американских. Скорее всего, это

связано с большей консервативностью проживающих там жителей и, возможно, с некоторым чувством патриотизма. Но факт остается фактом: иномарки теснят марки национальные. Объяснение простое: они лучше американских, реже выходят из строя, экономичнее и лучше держат дорогу. Если они и уступают в чем-то, так это в комфорте, качестве, которые для американца имеют первостепенное значение.

Как-то мне в голову пришла мысль, что внешний вид автомобиля является показателем уровня страны в неменьшей мере, чем, скажем, архитектура. Если это так, то Америка достигла своего пика в середине пятидесятих годов прошлого века. Ах, что это были за машины! Не машины, а дворцы на колесах – огромные, ярко окрашенные, с отделкой из блестящего никеля, напоминавшие в своей хвостовой части дельфинов, устремленные вперед, всем своим видом утверждавшие, что им подвластна любая скорость, любые расстояния. Иногда сегодня такая машина проедет – и все замирают, глядя ей вслед. Будто слышится глубокий вздох ностальгии по тем светлым, легким, радостным временам. Посмотришь на такое чудо, сравнишь его с машинами нынешними – безликими, тупыми, похожими друг на друга, как близнецы-братья, и невольно подумает: *sic transit gloria mundi*, так проходит слава мирская...

Невольно возникает такое ощущение, что всё в прошлом, причем это чувство усиливается, как ни странно, при посещении некоторых замечательных, даже удивительных мест.

К ним относится Музей Форда, в котором выставлены почти все модели, когда-либо выпущенные заводом. Мы с Иваном не могли оторвать глаз ни от самого первого творения Генри Форда, двухцилиндрового квадроцикла, ни от «Форда-Виктории» – той самой модели, на которой супруги Адамс и Ильф с Петровым пересекли Америку. Мы заметили, однако, что выставка заканчивается легендарным «Фордом-мустангом», ни одной современной машины мы не увидели. Да и зачем выставять их – они безнадежно проиграли бы своим удивительно красивым предшественникам.

Еще более удивительным местом является Гринфилдвилладж, самый большой музей под открытым небом в Америке, если не во всем мире. Об этой «деревне» Ильф и Петров писали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.